

—
Власть над домашним хозяйством перешла к другим, и наложница Ван чувствовала глубокую обиду. Однако старая госпожа была в поместье непререкаемым авторитетом, а Цзинь И оставался равнодушным к её мольбам и плачу, так что дело было решено. Другие, глядя на её недавнее унылое и подавленное состояние, почти не протягивали руку помощи, но в каждом доме было полно тех, кто злорадствовал.

Люй Фэй ликовала, но сдерживала себя, в то время как Вань Лань не скрывала своей радости. Фу Мин, видя её такой, сказал: «Если человек, которого ты не переносишь, упал в колодец, и он действительно плохой, то посмотри на него немного и уйди. Не смейся у колодца и тем более не бросай туда камни». Вань Лань вдумчиво переваривала эти слова, и хотя по-прежнему считала, что наложница Ван получила по заслугам, она больше не позволяла самодовольной улыбке появляться на её лице.

Весь двор Фан Маньтин, казалось, не обращал особого внимания на такие важные события в поместье.

Но всегда найдутся те, кто попытается связать это с Фу Мином.

Как-то раз, от нечего делать, слуги собрались вместе и, болтая, сказали: «Наложница Ван сдала позиции, по логике, следующим должен был быть тот господин из двора Фан Маньтин, но, похоже, до него очередь ещё не дошла».

«Разве это не ожидаемо? Хотя за ним и числится статус законной жены, до сих пор он лишь номинальный. Пару дней назад старая госпожа устроила обед, но этого Гунцзы за столом не было!»

«Мин Гунцзы, должно быть, живёт как вдова... Жаль его, такой молодой, да ещё и мужчина, карьеры нет, вышел замуж, но не пользуется уважением. Эх, такого хорошего человека просто испортили!»

...

Люди болтали без умолку. Фу Мин, хоть и слышал кое-что, не обращал внимания.

С тех пор как Фу Мин познакомился с Чжоу Чэнъянем и другими, его часто приглашали на встречи. Он видел мирную и процветающую столицу под небесами, где люди жили в достатке, а рынки были оживлёнными. Учёные, крестьяне, ремесленники и торговцы занимались своим делом. Он чувствовал вдохновение и, понимая, что в этой жизни ему уже не суждено занять высокое положение в правительстве и управлять страной, решил запечатлеть увиденное кистью. После его смерти в летописях не останется имени «Фу Мин, второе имя Есинь», но его кисть сохранит память о ярких моментах, которые он пережил.

«Знай меру, и тогда достигнешь стабильности». Он временно нашёл свою цель и в течение нескольких месяцев вложил в неё много сил и труда. Братья Чжоу, Цуй Цзин, Цин Сунь и другие, узнав о его идеях, также одобрили и поддержали его, предлагая свои советы. Чжоу Чэнъянь даже два-три раза в месяц приезжал в поместье Цзинь, дарил кисти, чернила, бумагу и тушечницы, спрашивая Фу Мина о новых достижениях или идеях. Фу Мин, хоть и считал его слишком увлечённым, но тот был искренен и очень подходил ему по характеру, поэтому каждый раз, когда он приходил, Фу Мин встречал его с улыбкой и терпением.

После возвращения Цзинь И в столицу, Фу Мин не только продолжил свои записи, но и участвовал во многих светских мероприятиях.

Потомки герцога Суй понизили свой титул, и к поколению Цзинь И их репутация уже не была столь блестящей. Однако Цзинь И с детства обладал большим талантом в боевых искусствах и стратегии, и был любим своим дедом, который перед смертью представил императору прошение, прося монарха проявить милость и заботу о его единственном внуке. Император согласился, пообещав, что если Цзинь И по достижении совершеннолетия сможет совершить подвиги, он не позволит герцогскому поместью Суй прийти в упадок.

Цзинь И оправдал ожидания, вернувшись с великой победой. Император, оценив его заслуги, повысил Цзинь И в должности и наградил его множеством вещей, даже предметами для жертвоприношений, повелев ему утешить души предков на небесах. Это был намёк императора придворным, что он не забыл данного обещания, а также предвестник того, что он собирается активно использовать Цзинь И. Поместье Цзинь, которое в последние годы постепенно приходило в упадок, снова оживилось, и к воротам нескончаемым потоком шли посетители с поздравлениями.

Фу Мин, будучи законным супругом Цзинь И, постоянно должен был принимать гостей. Он держался с достоинством, говорил уместно, и тем самым заработал немало хорошей репутации для поместья Цзинь. Старая госпожа однажды пригласила его к себе, и хотя она говорила, что это для наставления, на самом деле это была похвала и одобрение. Цзинь И стал появляться в Фан Мань Тин чаще, чем до похода. Постепенно все неприятные разговоры о Фу Мине в поместье наконец-то утихли. Все также ясно увидели, что даже если этот Гунцзы и не пользуется особой благосклонностью, его положение пока ни на йоту не пошатнётся.

Фу Мин ежедневно принимал гостей, и хотя не чувствовал себя совершенно измотанным, всё же ощущал лёгкую усталость.

В тот день весна была в полном расцвете. Все, кто ранее подавал свои визитные карточки, были приняты. Фу Мин собирался воспользоваться случаем и отправиться за город, чтобы понаблюдать за весенней пахотой крестьян. В его записях также была глава о сельском хозяйстве, и весенняя пахота была важной частью, которую нельзя было пропустить.

Но прежде чем он успел выйти, Бай Лу пришла в Фан Мань Тин с сообщением: «Господин просил Гунцзы дождаться его сегодня в поместье, сказав, что прибудет важный гость, и господин прибудет вместе с ним, как только закончит свои дела».

Планы рухнули, и Фу Мину пришлось переодеться. Он пошёл во двор, чтобы нарисовать весенние цветы.

Когда он наносил на бумагу оттенки персикового румянца и грушевого снега, послышался шум у ворот двора и шаги.

Цзинь И привёл важного гостя прямо во двор Фан Мань Тин. Фу Мин отложил кисть, встал и обернулся. Увидев пришедшего, его улыбка расцвела, как весенний цветок, а взгляд мгновенно прояснился, став чище безоблачного неба.

«Твой старый друг, братец Сянсянь», — сказал Цзинь И, обращаясь к Фу Мину.

Фу Мин с улыбкой произнёс: «Наконец-то пришёл, а я думал, что не придёшь, пока весенние цветы не опадут!» Глядя на Цзян Исуня, он сиял от радости: «Исунь, как поживаешь?»

В детстве они называли друг друга по именам, и теперь это обращение звучало особенно тепло. Цзян Исунь ответил: «Всё хорошо. Глядя на твоё сияющее лицо, брат Мин, думаю, что ты тоже хорошо живёшь».

Фу Мин кивнул и добавил: «Исунь теперь совсем другой, и это похвально». С этими словами он хотел пригласить его в дом.

Цзян Исунь сказал: «Я вижу, что двор у тебя, братец Мин, очень хорош, давай посидим там, у каменного стола под цветущим деревом, не будем заходить в дом».

Фу Мин с улыбкой кивнул, и трое подошли к каменному столу и сели. Люй Фэй и другие подали вино, фрукты, вяленое мясо и прочее. Фу Мин жестом показал им удалиться и сам налил вина тем, кто сидел по обе стороны.

«Что это за вино?» — спросил Цзян Исунь, попробовав один глоток.

Фу Мин ответил: «Сливовое вино, приготовленное перед Новым годом, не крепкое. Мы редко собираемся, так что немного вина для настроения будет достаточно».

Цзинь И тоже выпил глоток и спросил: «Сам приготовил?»

Фу Мин сказал: «Рецепт достал у братьев Чэнъянь, попробовал сварить сам в первый раз. Как вам обоим?»

Цзян Исунь выпил ещё один глоток: «Сладкое, с тонким ароматом, хотя и не то, что я люблю пить, но вкус вполне приемлемый».

Цзинь И же сказал: «Если ещё есть, подари мне кувшин».

Фу Мин с улыбкой ответил: «Осталось немного, но могу оставить два кувшина для господина».

Трое пили и болтали. Цзян Исунь вкратце рассказал о своих приключениях после отъезда из столицы в течение этих лет. Рассказывая о битве перед Новым годом, он говорил особенно красноречиво, описывая стратегию и мужество Цзинь И так, что это казалось божественным. Цзинь И несколько раз пытался его остановить, но Фу Мин постоянно подстрекал, и они двое, как рассказчик и слушатель в чайной, играли в унисон. Цзинь И же стал героем их диалога, что заставляло его чувствовать себя очень неловко. Но, видя энтузиазм Цзян Исуня и яркую улыбку Фу Мина, он почувствовал, что вино стало особенно ароматным, а весеннее солнце — особенно тёплым.

Кто-то, улыбнувшись, заставил весну расцвести. Оказывается, так это и описывается. Цзинь И протянул руку, снял упавший на плечо Фу Мина цветок и почувствовал, что его сердце стало ещё мягче, чем кончики пальцев.

Когда наступило время обеда, Цзинь И послал за Чжаоянем. Чжаоянь поклонился Цзян Исуню как старшему, называя его дядей.

Цзян Исунь, услышав, что Чжаоянь тоже называет Фу Мина дядей, тихо спросил: «Почему сын брата Чанцзе тоже называет тебя дядей?»

Фу Мин ответил: «Почему? Мы же ровесники, называет тебя дядей, разве меня будет братом называть?»

Цзян Исунь, видя, как Фу Мин отшучивается, понял, что у него есть что-то наболевшее, и больше не спрашивал.

После ужина Цзян Исунь вместе с Цзинь И отправился на встречу со старой госпожой. Те, кто заключал клятву братства, часто поднимались в главный зал, чтобы поклониться матери. Поскольку родители Цзинь И уже умерли, встреча со старой госпожой ничем не отличалась.

Когда Цзян Исунь хотел попрощаться, уже почти наступил вечер. Семья Цзинь пригласила его на ужин, но он отказался, сославшись на личные дела, которые не позволяли ему задержаться.

Фу Мин проводил его до ворот поместья и спросил: «Ты виделся с Янь Лэ?»

Цзян Исунь не сразу ответил. Только когда Фу Мин посмотрел на него, он сказал: «Хотел увидеться, но он не захотел со мной встречаться».

Фу Мин немного помолчал и сказал: «Не сердись на него».

Цзян Исунь произнёс «м-м», а через несколько шагов его голос стал глухим: «Я знаю, почему он не хочет со мной встречаться».

«Он не хочет тебя втягивать. Даже со мной, когда иногда встречаю его на банкетах, при посторонних он ведёт себя вежливо».

Цзян Исунь, услышав это, на мгновение замолчал, но на его лице, казалось, появилась лёгкая улыбка.

В тот вечер Цзян Исунь пригласил нескольких военных генералов примерно равного статуса в павильон Цзянь, заказал стол с хорошим вином и изысканными блюдами, а также за большие деньги пригласил нескольких музыкантов и певиц, среди которых был и Янь Лэ.

Янь Лэ, услышав от мальчика, что его приглашает какой-то военный господин, пришёл. Придя на место, он приподнял занавес и увидел, что за столом сидят высокие и крепкие мужчины, необычайного нрава. Среди них самым заметным был Цзян Исунь.

Он тут же стряхнул с лица выражение изумления, его губы растянулись в улыбке. Он подошёл, поприветствовал всех господ и, узнав, что хозяином на этот раз является Цзян Исунь, сел рядом с ним и спросил: «Какую мелодию желает услышать господин?»

Цзян Исунь спросил всех: «Чего бы вы хотели послушать?»

«Мы нечасто слушаем музыку, да и названий мелодий помним немного, так что неважно, что именно, выберите то, что вам лучше всего удаётся».

Янь Лэ повернул колки, перебрал струны и с опущенными глазами исполнил «Десять засад». Это было поистине золото и железо, и слушатели чувствовали себя так, словно снова оказались на поле битвы.

Когда песня закончилась, Цзян Исунь воскликнул: «Браво!» Гости тоже один за другим восклицали: «Браво!», но кто-то сказал: «Мы пришли сюда отдохнуть, так что давайте слушаем что-нибудь повеселее».

Цзян Исунь заметил, что дыхание Янь Лэ участилось, а кончики пальцев покраснели, вероятно, предыдущая мелодия отняла много сил. Он не хотел заставлять его играть немедленно, но Янь

Лэ улыбнулся и сказал: «Господа хотят послушать что-нибудь лёгкое и весёлое, тогда я сыграю «Зелёную талию»». С этими словами он снова взялся за струны и начал играть.

Гости пили вино и непринуждённо болтали под лёгкий звук струн, похожий на падающие жемчужины. Цзян Исунь отвечал им, время от времени бросая взгляды на Янь Лэ, который сидел, опустив голову и потупив взор.

После исполнения «Зеленой талии» Цзян Исунь притворился легкомысленным, обнял Янь Лэ за плечи и с улыбкой сказал: «Ты так прекрасно играешь, господин тебя наградит. Подойди, посмотри на еду на столе, что ты хочешь съесть, господин тебе подаст!»

Янь Лэ казался застенчивым, но в то же время послушным. Он прислонился к рукам Цзян Исуня, указал на тарелку и сказал: «Я хочу съесть пьяных креветок».

Цзян Исунь сказал: «Как же эти твои руки могут чистить креветки! Господин сам почистит тебе». С этими словами он действительно взял креветки и стал их чистить. Слуги рядом хотели помочь, но он отказался.

«Что ты понимаешь, малец, это называется проявлять нежность к прекрасному», — засмеялся один гость, и остальные тоже поддержали его.

Цзян Исунь по-хозяйски почистил креветки, а Янь Лэ с естественной грацией принял их и положил в рот. Вдвоём они чистили и ели, почти опустошив половину тарелки креветок, пока Янь Лэ не сказал: «Господин, больше не хочу». Только тогда Цзян Исунь остановился и налил ему ещё чарку вина, которую Янь Лэ выпил.

Увидев, насколько непринуждённо ведёт себя Цзян Исунь, остальные тоже расслабились и стали обнимать сидящих рядом, кормить их едой и поить вином. На банкете стало очень оживлённо.

В разгар еды и питья Цзян Исунь встал, чтобы помыть руки. Все подговорили Янь Лэ последовать за ним, и Янь Лэ действительно последовал.

Двое стояли на безлюдной и тихой части верхнего этажа. Легкомысленное выражение исчезло с лица Цзян Исуня, и, глядя на Янь Лэ, он сказал: «А-Лэ, я наконец-то тебя увидел».

Янь Лэ тихо вздохнул, и его голос тоже стал мягче: «Значит, брат, ты пошёл в армию. Поздравляю, ты ведь теперь тоже генерал?»

Цзян Исунь улыбнулся: «Просто посчастливилось встретить хорошего полководца».

«Это тот, что из дома братца Мина?»

«Угу. Сегодня я был в поместье Цзинь».

«Как братец Мин?»

«Думаю, ему лучше, чем тебе».

Янь Лэ улыбнулся: «Вам всем хорошо, и это хорошо».

«А ты?» — тон Цзян Исуня стал резким.

Янь Лэ всё ещё улыбался: «Я? Ты же видел, со мной всё в порядке».

Цзян Исунь покачал головой и сказал: «Ты всё такой же, как и раньше. Мы трое, хотя я кажусь самым сильным, но братец Мин и ты, один упрямее другого». С этими словами он положил руки на плечи Янь Лэ и надавил: «А-Лэ, ты... ты правда не оглянешься назад? Если ты оглянешься, то в будущем всё, что есть у меня, Цзян Исуня, будет и у тебя».

«Дойдя до этого, какие у меня ещё есть причины не идти дальше?» Янь Лэ повернулся и посмотрел на угол карниза за верандой. Долгое время он молчал, а затем добавил: «Впредь не трать больше денег понапрасну, копи их на жену, ты ведь очень хочешь иметь семью, не так ли? Женишься, заведёшь детей, и у тебя будет семья».

Цзян Исунь горько усмехнулся: «Сколько людей не жалеют тысячи золотых, чтобы купить одну мелодию. Как же это можно назвать напрасной тратой?»

Янь Лэ повернулся и посмотрел на Цзян Исуня: «Мелодия, которую ты слышал сегодня, ничего особенного».

Цзян Исунь сказал: «Да, по сравнению с мелодиями, которые ты играл для нас в прошлом, это действительно ничего особенного».

«Столько лет прошло, а твой уровень оценки ничуть не улучшился».

«Я могу различить только степень чувств в мелодии, но не мастерство исполнения. А-Лэ...»

Янь Лэ покачал головой: «Ладно, пусть будет так. А-Лэ — это человек из прошлого, и я нынешний уже не смогу сыграть мелодию, которую ты хочешь услышать. Если ты готов потратить тысячу золотых, я буду тебе подыгрывать до конца. Но это всё... это всё».

Цзян Исунь смотрел на Янь Лэ, в тусклом коридоре он не мог разглядеть выражения его лица. Он видел только туманный лунный свет снаружи и летящие лепестки груши. Янь Лэ прошёл мимо него, словно оторвавшийся лепесток груши. Он протянул руку, но ничего не удержал. Только мрак коридора медленно поглощал его взгляд.

—